

АЛЕКСАНДРА ВЕТРОВА

ПРАВДА
ГДЕ-ТО
РЯДОМ

Он знает
обо мне
♥ всё.

Кто он?
Друг или
враг?

Никогда не доверяй ему.
Особенно если он скажет,
что любит тебя. ♥

Если ты это смотришь,
значит, он снова
нашёл меня.

БЕГИ

ТЫ УМРЁШЬ, ЕСЛИ ВСПОМНИШЬ МЕНЯ

Александра Ветрова

Ты умрёшь, если вспомнишь меня

«Автор»

2026

Ветрова А.

Ты умрёшь, если вспомнишь меня / А. Ветрова — «Автор», 2026

Она просыпается в незнакомой квартире без единого воспоминания. На столе — фотография мужчины с надписью её рукой: «Никогда не доверяй ему». Он знает о ней всё, даже то, чего не должен знать. Он говорит, что они вместе два года. Она впервые видит его лицо. Но когда он касается её, её тело откликается на прикосновения, которые разум стёр начисто. Теперь ей нужно решить: верить своей пустой памяти или мужчине, который утверждает, что любит её? Но правда, которую она пытается вспомнить, может оказаться смертельной ловушкой.

© Ветрова А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Александра Ветрова

Ты умрёшь, если вспомнишь меня

Глава 1

Тишина была первой, что я почувствовала. Не та тишина, что бывает глубокой ночью, когда город затихает, а мир замирает в ожидании рассвета. Эта тишина была густой, почти осязаемой — она давила на уши, создавала вакуум, в котором каждый мой вздох казался предательски громким. Я лежала неподвижно, боясь пошевелиться, потому что моё тело не принадлежало мне. Оно было чужим, неуклюжим, словно я вселилась в него только что и ещё не научилась управлять конечностями.

Глаза открылись с трудом — веки казались налитыми свинцом, и потребовалось несколько мучительных секунд, чтобы фокус восстановился. Потолок. Обычный белый потолок с лёгкой трещиной, идущей от люстры к углу. Люстра — дешёвая, с пластиковыми плафонами в виде цветков, — висела чуть криво. Я моргнула. Потолок не исчез. Значит, это не сон.

Медленно, с осторожностью человека, ступающего по тонкому льду, я повернула голову. Слева — окно, занавешенное плотными бежевыми шторами, сквозь которые пробивался серый утренний свет. Справа — дверь, приоткрытая, ведущая в тёмный коридор. Комната была маленькой, уютной, но абсолютно чужой. Платяной шкаф из светлого дерева, туалетный столик с круглым зеркалом, на котором стояла вазочка с засохшими ромашками. Книжная полка, забитая томами в одинаковых обложках — похоже, серийное издание какого-то детектива. В углу — большое кресло-мешок, выцветшее от времени.

Где я?

Вопрос повис в голове, гулкий и пустой, как колокол без языка. Я попыталась вспомнить, что было вчера, и наткнулась на стену. Там, где должна быть память, зияла чёрная дыра. Никаких образов, никаких чувств, только смутное ощущение тревоги, которое пульсировало где-то в груди.

Я села, и простыня соскользнула вниз. На мне была мужская футболка — слишком большая, с выцветшим логотипом какой-то рок-группы. Под ней — бельё, моё собственное, но я не помнила, как его надевала. Ноги босые, на правой коленке — старый шрам в виде полумесяца. Я провела по нему пальцем. Кожа помнила боль, но разум молчал.

Сердце забилось быстрее, и я почувствовала, как в груди разрастается холод. Паника поднималась откуда-то изнутри, из того самого места, где должна была быть память, но я заставила себя дышать ровно. Раз-два-три-четыре. Медленно. Я не знала, где я, не знала, как сюда попала, но я знала, что паника — плохой советчик.

Я опустила ноги на пол. Паркет был холодным, и я вздрогнула. Комната качнулась, и я ухватилась за край кровати, чтобы не упасть. Голова кружилась, во рту пересохло — казалось, туда насыпали песка. Рядом с кроватью стоял стакан с водой, и я сделала несколько жадных глотков. Вода была тёплой, с привкусом хлора, но она помогла. Тревога чуть отступила.

Я оглядела комнату снова, теперь внимательнее. На туалетном столике, рядом с вазочкой, лежала фотография. Я встала и подошла ближе, чувствуя, как пол под ногами качается, будто я на палубе корабля. Снимок был сделан на обычной фотобумаге, чуть выцвел по краям. На нём был мужчина. Тёмные волосы, чуть взъерошенные, будто он только что провёл по ним рукой. Глаза — серые, с тёмным ободком вокруг радужки, смотрели прямо в объектив с лёгкой улыбкой, которая скорее походила на насмешку. Лицо худое, с резкими скулами и чёткой линией подбородка. Он был красивым, но в его красоте чувствовалась какая-то опасная при-

тягательность — как у дикого зверя, который разрешил себя погладить, но в любой момент может укусить.

Я перевернула фотографию. На обороте были слова. Моим почерком. Я узнала его сразу — аккуратные, чуть наклонённые буквы, с круглыми «о» и длинными хвостиками у «у» и «з».

«Никогда не доверяй ему. Особенно если он скажет, что любит тебя».

По спине пробежал холод. Я перечитала фразу трижды, и с каждым разом мне становилось всё более не по себе. Кто этот мужчина? И почему я написала это? Я не помнила его лица, не помнила, чтобы видела его когда-либо. Но почерк был моим — я могла поклясться в этом.

Я положила фотографию на стол и отступила на шаг. Сердце колотилось где-то в горле. Мне нужно было понять, где я. Я направилась к двери, стараясь ступать бесшумно, хотя зачем — я не знала. В коридоре было темно, и я нащупала выключатель на стене. Зажегся тусклый свет, и я увидела ещё одну комнату — гостиную, совмещённую с кухней.

Квартира была небольшой, но уютной. Диван с пёстрыми подушками, журнальный столик, на котором стояла пустая кружка с засохшими чайными разводами на дне. Телевизор на тумбе, присыпанный тонким слоем пыли. Полки с книгами и какими-то безделушками. Кухонный гарнитур белого цвета, местами пожелтевший от времени. Холодильник, на двери которого висели магнитные буквы, складывающиеся в слово «ПРИВЕТ».

Я подошла к холодильнику и машинально коснулась букв. Они были тёплыми. Это показалось мне странным — почему они тёплые? Может быть, я держала их в руках недавно? Или кто-то другой?

На кухонном столе лежал блокнот. Я открыла его — чистый. Ни одной записи. Но на первой странице была тонкая линия от ручки — будто кто-то начал писать и передумал. Я провела пальцем по бумаге, и она чуть прогнулась под нажимом. Я тоже так делаю — когда задумываюсь, вожу ручкой по бумаге, оставляя едва заметный след.

Звук шагов за дверью заставил меня замереть. Сердце пропустило удар, а затем забилось с бешеной скоростью. Кто-то был в коридоре. Я услышала, как поворачивается ключ в замке. Паника плеснула через край, и я почувствовала, как ноги становятся ватными. Мне нужно было спрятаться, но тело не слушалось. Я стояла как вкопанная посреди кухни, сжимая в руках пустой блокнот, и смотрела на дверь.

Она открылась. На пороге стоял он.

Мужчина с фотографии. Теперь я видела его не на выцветшем снимке, а вживую. Высокий, худой, в простой серой футболке и джинсах. Тёмные волосы, влажные после душа, и серые глаза, которые смотрели на меня с таким спокойствием и одновременно с тревогой, что у меня перехватило дыхание. В руках он держал пакет с продуктами — я видела выглядывающую из него буханку хлеба и пучок зелени.

— Ты встала, — сказал он, и голос его был низким, чуть хриловатым. В нём слышалась усталость, но также и облегчение, будто он боялся, что я не проснусь. — Я думал, ты ещё спишь. Пришлось сбежать в магазин, пока ты отдыхаешь.

Он закрыл дверь ногой и прошёл на кухню, поставив пакет на стол. Я отшатнулась, вжимаясь спиной в холодильник. Холод металла прошёл сквозь тонкую ткань футболки.

— Ты кто? — спросила я, и голос мой предательски дрогнул. — Где я? Как я здесь оказалась?

Он замер. Улыбка, которая только начала появляться на его лице, исчезла, как будто её смыли. Он посмотрел на меня тем же взглядом, что был на фотографии — внимательно, изучающе, чуть насмешливо, но в этот раз в нём было что-то ещё. Боль.

— Аня, — сказал он мягко, делая шаг ко мне. — Ты опять не помнишь?

— Откуда ты знаешь моё имя? — выкрикнула я, и в голосе прорезалась истерика. Я сжала блокнот так сильно, что ногти впились в ладони. — Откуда ты знаешь, как меня зовут? Я тебя не помню! Я вообще ничего не помню!

Он остановился. Теперь между нами было около двух метров, и я видела, как на его лице борются разные чувства: растерянность, боль, разочарование и какая-то отчаянная надежда, которая не желала угасать.

— Мы знакомы два года, — сказал он тихо, почти шёпотом. — Я — Максим. Ты — моя девушка. Мы живём вместе. И это — наша квартира.

Я покачала головой. Слова бились о стену моего непонимания и отскакивали, не оставляя следа. Два года? Девушка? Наша квартира? Это было абсурдно. Я смотрела на него, на его серые глаза, на его руки, на то, как он стоит, не решаясь приблизиться, и чувствовала только одно — страх. Липкий, холодный страх, который полз по позвоночнику, заставляя волосы на руках вставать дыбом.

— Нет, — прошептала я. — Я тебя не знаю. Я никогда тебя не видела. Не подходи!

Он не подошёл. Замер на месте и поднял руки в примирительном жесте, словно пытался успокоить дикое животное.

— Хорошо, хорошо. Я не подхожу. Видишь? Я стою. Аня, послушай меня. Я знаю, что ты ничего не помнишь. Это уже второй раз. Нет, третий. За последний месяц. Каждый раз, когда у тебя начинаются приступы, ты просыпаешься и не узнаёшь меня. Ты забываешь всё, что мы пережили. Но это пройдёт. Обещаю, это пройдёт.

— Приступы? — переспросила я. — Что за приступы? Что со мной происходит?

Он вздохнул, провёл рукой по лицу, и я заметила, как дрожат его пальцы. Он тоже боялся. Но чего? Меня? Того, что я могу сделать? Или того, что я не вспомню?

— Ты попала в аварию, — сказал он, и голос его стал твёрже, будто он читал заученную лекцию. — Полгода назад. Ты была за рулём, врезалась в дерево на трассе. Врачи сказали, что это чудо, что ты выжила. Но у тебя повреждение гиппокампа. Временами — не всегда, а только в моменты сильного стресса — ты теряешь доступ к краткосрочной памяти. Ты просыпаешься и не помнишь, кто ты, где ты. Но через несколько дней всё возвращается. Обычно.

— Обычно? — ярость плеснула в груди, вытесняя страх. — Что значит «обычно»? Ты хочешь сказать, что я уже проходила через это? И всё равно ничего не помню?

— Да, — кивнул он. — Проходила. Три раза. Первый раз — два месяца назад, потом через три недели, и теперь. Я знаю, что это трудно принять. Я знаю, что ты напугана. Но я здесь, чтобы помочь тебе. Я всегда здесь.

Он говорил так убеждённо, с такой уверенностью, что на мгновение я почти поверила. Почти. Но в голове, как навязчивая мелодия, звучали слова с оборота фотографии: «Никогда не доверяй ему. Особенно если он скажет, что любит тебя».

Я смотрела на Максима и видела его глаза, его лицо, его руки. Он казался искренним. Он казался любящим. Он казался всем тем, что могло бы быть реальным. Но внутри меня, в том месте, где мой разум кричал о правде, звучал голос: «Не верь ему».

— Если мы правда живём вместе, — сказала я медленно, стараясь, чтобы голос не дрожал, — докажи это. Где мои вещи? Где моя одежда? Моя косметика? Мой телефон?

Он улыбнулся, и в улыбке его мелькнуло облегчение, будто он ждал этого вопроса, ждал проверки.

— Всё в спальне, — ответил он. — Твоя косметика на туалетном столике, одежда в шкафу. Телефон на зарядке возле кровати. Я положил его туда вчера, когда ты уснула.

Я не сводила с него глаз, пока он говорил. Каждое его слово было гладким, логичным, выверенным. Слишком выверенным. Но я всё равно пошла в спальню, оставляя его стоять на кухне.

Туалетный столик — я обошла его. Там действительно стояли мои вещи: расчёска с выпавшими волосами, помада красного цвета, тени, которые я любила, — я узнала их. Потом я открыла шкаф. На вешалках висела моя одежда — платья, джинсы, блузки. Моя. Я узнавала

их. Узнавала запах своего стирального порошка. Узнавала туфли, стоящие на полу. Но я не помнила, как они здесь оказались.

Телефон лежал на тумбочке, подключённый к зарядке. Я схватила его, разблокировала (код я помнила, слава богу) и открыла галерею. Мои фото. Себя я узнавала. Но рядом с ней был он — Максим. Мы вместе на фоне моря, в кафе, в парке. Я улыбалась, а он обнимал меня. Мы выглядели счастливыми. Мы выглядели... как пара.

В голове что-то щёлкнуло, и на мгновение мне показалось, что я вижу смутный образ — его руки на моей талии, его смех, запах его парфюма. Но образ растворился, как дым, оставив после себя лишь головную боль.

Я вышла из спальни с телефоном в руке. Максим всё так же стоял на кухне, прислонившись к стойке, и ждал. В его взгляде — смесь надежды и отчаяния.

— Ты не врешь, — сказала я тихо. — Всё это действительно моё. Я узнаю вещи. Но я не помню их. Я не помню тебя. Я не помню, как мы встретились. Я не помню ничего, что связывает нас. Но на фотографиях я улыбаюсь. Почему на фотографиях я улыбаюсь, если не знаю тебя?

— Потому что ты знала, — ответил он. — Ты знала меня. Ты любила меня. Аня, мы прошли через многое. Эта авария... она изменила тебя. Но я надеюсь, что ты снова вспомнишь. Я буду ждать столько, сколько нужно.

В его голосе было столько боли, что мне стало почти стыдно. Почти. Но я не могла позволить себе поверить. Я не могла. В моей голове, как заезженная пластинка, звучали слова с фотографии, и они были написаны моей рукой.

Почему я написала это? Что он сделал? Или что он мог сделать?

Максим шагнул ко мне, медленно, давая мне время отступить. Я не отступила. Он взял меня за руку — осторожно, как будто я была сделана из стекла. Его пальцы были тёплыми, и я почувствовала, как по телу пробегает странная дрожь. Моё тело узнавало его прикосновение. Оно расслаблялось, когда он был рядом. Оно знало его лучше, чем я.

— Я не буду причинять тебе боль, — сказал он, глядя мне в глаза. — Я люблю тебя. Я всегда любил. Помнишь, как мы познакомились? В книжном магазине. Ты искала «Преступление и наказание», а я — «Идиота». Мы оба потянулись к одной полке, и наши руки встретились. Ты улыбнулась, и я понял, что пропал.

Я закрыла глаза. Вспышка — смутная, размытая. Книжный магазин. Полки, пахнущие бумагой и пылью. Чьи-то руки. Смех. Но лица не было. Только ощущение тепла и лёгкости.

— Я не помню, — прошептала я, открывая глаза. — Я пытаюсь, но не могу.

— Это нормально, — сказал он. — Время заживляет раны, и память тоже вернётся. Я здесь. Я не уйду.

Он обнял меня, и я позволила. Его руки сомкнулись на моей спине, и я почувствовала, как напряжение медленно уходит. Моё тело доверяло ему. Оно расслаблялось в его объятиях, как будто всегда знало, что здесь безопасно. Но мой разум кричал: «Осторожно. Ты не знаешь его. Ты никогда не знала».

Я отстранилась, посмотрев на него. В его глазах была такая глубокая, такая искренняя любовь, что у меня сжалось сердце. Как можно было не верить ему? Как можно было смотреть на это лицо и думать о предательстве?

— Мне нужно время, — сказала я. — Я запуталась. Я не знаю, что правда, а что нет. Но если ты правда любишь меня... если ты правда хочешь помочь... дай мне пространство. Я должна разобраться сама.

Он кивнул, хотя в глазах мелькнула тень боли.

— Хорошо, — сказал он тихо. — Я подожду. Я всегда жду тебя, Аня. Сколько бы времени это ни заняло.

Он отпустил меня, отошёл к дивану и сел, уставившись в одну точку. Я пошла в спальню, села на кровать и посмотрела на телефон в руках. Слова с фотографии не выходили из головы. «Никогда не доверяй ему». Но почему? Что он сделал? Или что я сделала?

Ответа не было. Только пустота.

Я взяла телефон, открыла заметки. Я люблю писать заметки — даже когда не помню этого, но привычка осталась. Там было множество записей, но одна привлекла моё внимание. Она была помечена вчерашним днём и называлась «ПОСЛЕДНЕЕ».

Я открыла её и начала читать.

«Я не знаю, увижу ли я тебя завтра. Мой разум стирает всё, что мне дорого, и я боюсь, что однажды он сотрёт тебя навсегда. Но пока я помню, я хочу сказать: спасибо. За то, что ты был рядом. За то, что держал мою руку, когда я просыпалась в больнице, и врачи говорили, что я не вспомню даже своё имя. За то, что ты читал мне вслух мои любимые книги, чтобы я слышала твой голос и помнила, что я жива. За то, что ты любил меня, даже когда я переставала любить себя.

Если ты читаешь это, значит, я снова забыла. Пожалуйста, не сдавайся. Борись за меня. Я не хочу потерять тебя. Ты — единственное, что у меня есть. Ты — моя память. Ты — моя жизнь. Прости меня. Просто прости».

Слёзы потекли по щекам, и я не могла их остановить. Я смотрела на экран телефона и чувствовала, как мир рушится. Я написала это. Мой голос, мои слова, моё сердце. Я любила его. Я любила этого человека. Но я не помнила.

И тогда я прокрутила заметки дальше, надеясь найти ответ, и замерла.

Была ещё одна запись. Ещё одна, которая заканчивалась словами:

«Я начинаю подозревать, что это он делает со мной. Что-то не так в его глазах. Что-то не так во всей этой истории. Если я умру, или если я снова потеряю память, знай: я люблю тебя, но я боюсь его. Я боюсь мужчины, который говорит, что любит меня».

Холод пробежал по телу.

Я подняла глаза на дверь, за которой сидел Максим.

Я не знала, кому верить.

Но я знала, что должна узнать правду.

Даже если она убьёт меня.

Глава 2

Я смотрела на экран телефона, и буквы плыли перед глазами, расплываясь в мутные пятна. Мои собственные слова, написанные моей же рукой, разделили мир на две части. В одной части — любовь, благодарность, мольба о прощении. В другой — страх, подозрение, предчувствие смерти. Как это могло быть? Как я могла одновременно любить этого человека до безумия и бояться его до дрожи в коленях?

За дверью Максим что-то делал на кухне — я слышала звон посуды, шум воды, его тихое напевание. Он казался таким обычным, таким домашним, таким... неопасным. Но слова с оборота фотографии жгли мне руки, и я знала — я не могла ошибиться. Я никогда не писала того, во что не верила.

Я пролистала заметки дальше. Там были списки покупок, цитаты из книг, какие-то рабочие записи — я работала кем-то вроде редактора? Или копирайтера? Я не помнила. Но ничего больше не было. Никаких намёков на то, что скрывалось за той фразой про «что-то не так в его глазах».

Телефон завибрировал в моей руке, и я едва не выронила его. На экране зажглось уведомление: «Напоминание: проверь зарядку в гараже». Я нахмурилась. Гараж? У нас был гараж? Или это относилось к чему-то другому? Я не знала. Но уведомление было установлено на сегодня, на одиннадцать утра — через двадцать минут. Кто-то — я? — хотел, чтобы я что-то проверила. Может быть, там был ответ.

Я натянула джинсы и футболку, которые нашла в шкафу — свои, но чужие, — и вышла в гостиную. Максим стоял у плиты, помешивая что-то в кастрюле. Запах куриного бульона разносился по комнате, и мой желудок предательски заурчал. Я не помнила, когда ела в последний раз.

— Ты куда-то собралась? — спросил он, не оборачиваясь. Голос его звучал спокойно, но я заметила, как напряглись его плечи. Он знал, что я что-то ищу. Он чувствовал это.

— Просто хочу подышать, — ответила я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Где здесь выход на улицу?

Он наконец обернулся и посмотрел на меня. В его глазах — всё та же смесь любви и тревоги, которая начинала меня пугать своей искренностью. Или, наоборот, своей фальшью? Я больше не могла отличить.

— Аня, на улице дождь, — сказал он мягко. — И ты только что очнулась. Тебе нужно поесть, отдохнуть. Выходить сейчас — не лучшая идея.

— Я хочу выйти, — повторила я, чувствуя, как раздражение нарастает. — Мне нужно подышать свежим воздухом. Пожалуйста.

Он помолчал, разглядывая меня, и я поняла: он знает. Он знает, что я ищу что-то, но не хочет, чтобы я это нашла. Или, может быть, он просто боится за меня. Я не знала. Ничего не знала.

— Хорошо, — сказал он наконец. — Я провожу тебя. Просто чтобы убедиться, что с тобой всё в порядке.

— Я справлюсь сама, — отрезала я, и он вздрогнул от резкости в моём голосе.

— Аня, — сказал он, и в голосе его послышалась мольба. — Пожалуйста. Не отталкивай меня. Я знаю, что ты не помнишь. Я знаю, что тебе страшно. Но я не враг тебе. Я никогда не был врагом.

Он подошёл ко мне, и я не отступила. Его руки легли на мои плечи, и я почувствовала тепло, идущее от его ладоней. Моё тело снова откликнулось. Я чувствовала, как мышцы расслабляются, как дыхание становится глубже, как страх начинает отступать. Это было так естественно — быть рядом с ним, что я почти забыла о словах на фотографии.

— Я знаю, — сказала я тихо, глядя ему в глаза. — Я верю тебе. Но мне нужно немного пространства. Чтобы разобраться в себе. Я не знаю, что происходит с моей головой, но я чувствую, что я на грани. Просто позволь мне выйти на десять минут.

Он вздохнул, и я увидела, как сдаётся.

— Хорошо, — сказал он. — Но возьми зонт. Он в прихожей. И пожалуйста, не уходи далеко от дома. Если почувствуешь головокружение или слабость, сразу возвращайся.

Он отпустил меня, и я пошла к двери. На крючке в прихожей висела лёгкая ветровка — моя, я узнала её, — и зонт. Я надела ветровку, взяла зонт и вышла на лестничную площадку.

Квартира находилась на третьем этаже старого панельного дома. Лестница была узкой, с облупившейся краской и запахом сырости, который смешивался с запахом чьей-то жареной картошки. Я спустилась вниз, толкнула тяжёлую металлическую дверь и вышла во двор.

Дождь действительно шёл — мелкий, противный, который пробирается под одежду и заставляет зябко ёжиться. Я раскрыла зонт и остановилась посреди двора, оглядываясь. Двор был типичным для спального района: несколько пятиэтажек, детская площадка с ржавыми качелями, скамейки, чахлые кусты сирени. Машины, припаркованные вдоль тротуара. Где-то вдалеке гудел трамвай.

Я сделала глубокий вдох. Воздух был влажным, с запахом мокрого асфальта и увядающей листвы. Голова чуть кружилась, но это было терпимо. Я посмотрела на номер дома — он был выбит на табличке у входа. Шестнадцать. Я запомнила.

Теперь — гараж. Я не знала, где он находится, но уведомление на телефоне говорило само за себя: «проверь зарядку в гараже». Значит, я должна была найти его. Или, по крайней мере, попытаться.

Я обошла двор, заглянула за соседние дома. Гаражей здесь не было — только автостоянка под открытым небом. Может быть, гараж был где-то ещё? Или это был не гараж в прямом смысле, а какое-то хранилище? Я не знала. Но уведомление на телефоне было единственной зацепкой.

Я вернулась к подъезду и села на скамейку под козырьком, глядя на дождь. Капли стучали по листьям сирени, собирались в лужи и стекали по асфальту мелкими ручейками. Всё было так обычно, так буднично, так... нестрашно. Но внутри меня, в том месте, где пульсировала тревога, я чувствовала, что всё это — лишь затишье перед бурей.

Внезапно телефон завибрировал. Я взглянула на экран — кто-то звонил. Номер был незнакомый, и я на мгновение заколебалась, но затем нажала «ответить».

— Аллю? — сказала я тихо.

— Аня? — раздался в трубке женский голос — звонкий, взволнованный, с нотками паники. — Аня, слава богу, ты ответила! Я уже час пытаюсь до тебя дозвониться, ты не брала трубку. С тобой всё в порядке?

— Я... не знаю, — ответила я честно. — Кто это?

На том конце повисла тишина. Затем женщина выдохнула, и в её дыхании слышалось облегчение, смешанное с тревогой.

— Это Катя. Твоя подруга. Мы учились вместе в университете. Ты что, не помнишь меня?

— Я ничего не помню, — сказала я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. — Я проснулась сегодня утром в чужой квартире, с мужчиной, которого не знаю, и говорят, что я живу с ним уже два года. Но я не помню. Ничего.

— О боже, — прошептала Катя. — Это снова случилось. Я думала, что после той аварии всё наладится, но... Аня, слушай меня внимательно. Ты сейчас одна?

— Да, во дворе. Он — Максим — остался в квартире.

— Хорошо, — голос Кати стал напряжённым, почти шёпотом. — Слушай меня очень внимательно. Ты должна уйти оттуда. Прямо сейчас. Не возвращайся в квартиру. Я знаю, что это звучит безумно, но поверь мне — он не тот, за кого себя выдаёт.

— Что? — я выпрямилась, сердце забилося быстрее. — Почему? Что ты знаешь?

— Я знаю, что ты боялась его, — сказала Катя. — Ты звонила мне две недели назад, и ты была в ужасе. Ты говорила, что он тебя удерживает. Что он не выпускает тебя. Что он говорит, что ты больна, но ты не больна. Ты говорила, что он что-то делает с твоей головой.

— Что значит — что-то делает? — переспросила я, чувствуя, как холод пробегает по спине.

— Я не знаю, — сказала она. — Ты не успела объяснить. Ты сказала, что он даёт тебе какие-то таблетки. Что после них ты проваливаешься в сон и просыпаешься с провалами в памяти. Ты хотела сбежать, но боялась, что он поймает тебя. Аня, тебе нужно уходить. Прямо сейчас. Я могу приехать за тобой. Скажи мне адрес.

Я посмотрела на табличку у входа. Шестнадцать. Но я не знала улицы. Я оглянулась — на соседнем доме висела табличка с названием улицы. Я прочитала её и продиктовала Кате.

— Я буду через двадцать минут, — сказала она. — Дождись меня, но не возвращайся в квартиру. Если он выйдет и попытается уговорить тебя вернуться, не слушай. Беги, если понадобится.

— Хорошо, — сказала я, и голос мой дрожал. — Я буду ждать.

Я положила трубку и уставилась на дверь подъезда, ожидая, что она откроется и из неё выйдет Максим. Но дверь оставалась закрытой. Дождь продолжал моросить. Я сидела на скамейке и смотрела на мир вокруг, и этот мир казался мне чужим, враждебным, полным лжи и недомолвок.

Через пять минут дверь подъезда всё же открылась. Но вышла не Максим — пожилая женщина с сумкой на колёсиках, которая закатила её в лифт и исчезла. Я выдохнула.

И тут я заметила — у стены дома, за кустом сирени, была припаркована старая «Нива» с грязными номерами, и из её салона на меня смотрели чьи-то глаза. Я не могла разглядеть лица — было слишком далеко и слишком темно, но я чувствовала взгляд. Кто-то наблюдал за мной.

Я вскочила, сердце колотилось где-то в горле. Телефон снова завибрировал — на этот раз сообщение от Кати: «Еду. Не бойся. Я скоро буду».

Я перевела взгляд на «Ниву» — она всё так же стояла на месте, и человек внутри неё смотрел на меня не отрываясь. Паника накрыла меня с головой. Я метнулась к подъезду, толкнула дверь и вбежала внутрь. Подъезд был пуст, тих, только эхо моих шагов отражалось от стен.

Я поднялась на третий этаж и остановилась перед дверью квартиры. Я не знала, что делать. Если я войду — Максим поймёт, что я знаю. Если я не войду — он выйдет и увидит, что меня нет. А Катя приедет только через двадцать минут.

Я стояла на лестничной клетке, пытаюсь унять дрожь, и чувствовала, как время идёт, каждая секунда растягивается в вечность. И вдруг я услышала шаги за дверью. Медленные, тягучие. Кто-то приближался к двери.

Я отступила на шаг, прижалась спиной к стене. Сердце билось так громко, что, казалось, заглушало все звуки.

Дверь открылась.

На пороге стоял Максим. Он смотрел на меня, и в его глазах не было любви. Только холодная, пугающая пустота.

— Аня, — сказал он, и голос его звучал ровно, слишком ровно. — Ты же не собираешься никуда уходить, правда?

Он шагнул ко мне.

— Я знаю, что ты говорила с Катей. Я знаю, что она наговорила тебе. Но ты должна мне верить. Она хочет только одного — разлучить нас. Она ненавидит меня. Она всегда ненавидела. Она не говорит тебе правду.

Я молчала, вжимаясь в стену. Он приближался, но в его движениях не было угрозы. В них была только... мольба.

— Пожалуйста, Аня, — сказал он тихо, почти умоляюще. — Не верь ей. Верь мне. Я люблю тебя. Я всегда любил тебя. Давай поговорим. Пожалуйста, зайди в квартиру. Я объясню тебе всё.

Я смотрела в его серые глаза, и в них снова зажглась любовь. Искренняя, чистая, настоящая. Или, может быть, я просто хотела верить в это. Потому что если всё, что говорила Катя, — правда, то я была в ловушке. И у меня не было выхода.

Я сделала шаг. Потом ещё один. Максим улыбнулся, и в улыбке его мелькнуло облегчение.

— Всё будет хорошо, — сказал он. — Я обещаю.

Я переступила порог.

И в этот момент телефон в моём кармане завибрировал — коротко, один раз. Сообщение от Кати: «Я у дома. Выходи».

Максим смотрел на меня, ожидая. Я посмотрела на него, на его улыбку, на его руки, которые тянулись ко мне.

И я сделала выбор.

— Прости, — сказала я. — Я не могу.

Я рванулась к двери, распахнула её и бросилась вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Сзади я слышала крик Максима:

— Аня! Стой!

Но я не остановилась.

Я вылетела на улицу и увидела машину — белую, незнакомую, которая стояла у тротуара. Из открытого окна высунулась женщина с короткой стрижкой и тревожными глазами.

— Аня! Сюда!

Я добежала до машины, открыла дверь и ввалилась на заднее сиденье. Катя нажала на газ, и машина рванула с места.

Я обернулась и увидела, как из подъезда выбегает Максим. Он стоял под дождём, провожая меня взглядом, и на его лице не было ни злости, ни отчаяния. Только... пустота. Та самая пустота, которую я видела у него в глазах секунду назад.

Машина свернула за угол, и он исчез из виду.

Я откинулась на сиденье, закрыла глаза и позволила слезам наконец потечь.

Я не знала, где я. Я не знала, кому верить. Я не знала, жива ли я на самом деле.

Но я знала, что теперь я в безопасности.

Хотя бы на мгновение.

Катя вела машину молча, и только когда мы выехали на шоссе, она тихо спросила:

— Ты в порядке?

Я покачала головой.

— Нет, — сказала я. — Я не в порядке. Но я хочу понять, что происходит. Расскажи мне всё, что знаешь. Пожалуйста.

Катя вздохнула и посмотрела на меня в зеркало заднего вида.

— Это долгая история, — сказала она. — И она тебе не понравится.

— Я готова, — ответила я. — Говори.

И она начала рассказывать.

Глава 3

Машина неслась по мокрому шоссе, и дворники с монотонным скрипом разгоняли потоки воды по лобовому стеклу. Город оставался позади — серый, дождливый, полный теней, которые, казалось, тянулись за нами, пытаясь настигнуть, схватить за горло и утащить обратно в ту квартиру, в ту жизнь, которую я не помнила. Я сидела на заднем сиденье, вжавшись в угол, и слушала голос Кати. Он лился ровно, но в нём слышалась дрожь — она тоже боялась. Боялась того, что знала. Боялась того, что рассказывала мне.

— Мы познакомились на первом курсе филфака, — начала она, не отрывая взгляда от дороги. — Ты тогда носила чёлку до бровей и вечно теряла зачётку. Я помню, как ты вбежала в аудиторию на пять минут позже, с красными от слёз глазами, потому что твой парень бросил тебя прямо перед экзаменом. Ты сказала, что это конец света, а я рассмеялась и дала тебе жвачку. С тех пор мы и подружились. Десять лет. Ты была моей лучшей подругой. Мы делили на двоих всё — от пиццы до секретов. Я знала о тебе больше, чем ты сама.

Я слушала, и где-то в глубине души просыпались смутные образы. Университетская аудитория с высокими потолками и запахом мела. Парты, на которой я рисовала цветочки, пока лектор бубнил о Достоевском. Чьё-то лицо — смеющееся, с короткой стрижкой и веснушками на носу. Катя. Я почти видела её. Почти помнила. Но стоит мне сосредоточиться, как образ ускользал, растворялся в тумане, оставляя лишь чувство тёплой ностальгии.

— Потом была авария, — продолжала Катя, и голос её стал жёстче. — Полгода назад. Ты ехала на работу, и какой-то идиот на «БМВ» вылетел на встречную полосу. Ты успела уйти в кювет, но врезалась в дерево. Тебя доставали из машины спасатели два часа. Врачи сказали, что это чудо. Ты выжила, но получила травму головы. Сильное сотрясение, отёк мозга, несколько недель в коме. Когда ты очнулась, ты почти ничего не помнила. Не помнила, где живёшь, кем работаешь. Ты смотрела на меня и не понимала, кто я. А потом пришёл он.

— Максим? — переспросила я, и сердце моё сжалось.

— Да, — сказала Катя, и в голосе её послышалась горечь. — Он пришёл в больницу и представился твоим парнем. Ты не помнила его, но он принёс фотографии, документы, вещи. Доказательства. Он говорил, что вы встречаетесь уже два года, что живёте вместе. Врачи проверили его слова, и всё сошлось. Ты действительно жила с ним до аварии. Но ты не помнила ни его, ни вашу жизнь вместе. А он... он не отходил от тебя ни на шаг. Он сидел у твоей постели днями и ночами, держал за руку, читал книги. Все думали, что он — святой. Что он любит тебя до безумия. Но я чувствовала что-то неладное.

— Что именно? — спросила я, подавшись вперёд.

Катя замолчала на мгновение, словно собираясь с мыслями. Дождь усилился, и она включила фары. Свет выхватывал из темноты мокрые столбы и дорожные знаки, которые пролетали мимо нас.

— Он слишком хорошо знал тебя, — сказала она наконец. — Понимаешь? Он знал вещи, которые никто не мог знать. Твои детские страхи, твои привычки, твои любимые песни. Он знал, как ты просыпаешься по утрам — с закрытыми глазами, а потом вдруг резко открываешь их и смотришь в потолок. Он знал, что ты боишься темноты, поэтому всегда оставлял ночник. Он знал про шрам у тебя на коленке и про то, как ты его получила — упала с велосипеда в двенадцать лет. Ты сама рассказывала мне эту историю, и я помню её потому, что ты смеялась над собой, когда рассказывала. Но откуда он мог знать это, если вы встретились всего за два года до аварии? Вы были вместе два года, а он знал тебя так, будто знал всю жизнь.

— Может быть, я рассказывала ему, — возразила я, но в голосе моём не было уверенности.

— Может быть, — согласилась Катя. — Но вот что странно. Когда ты вышла из больницы, ты не могла жить одна. Твоя память была нестабильна, ты проваливалась в забытие, теряла нить разговора. Врачи рекомендовали постоянный уход. И Максим вызвался ухаживать за тобой. Он забрал тебя к себе — в ту квартиру, где ты очнулась сегодня. И сначала всё было хорошо. Ты постепенно вспоминала что-то, твои дела шли на поправку. Но потом начали происходить странные вещи.

— Какие? — спросила я, чувствуя, как в груди разрастается холод.

— Ты стала звонить мне среди ночи и говорить странные вещи, — сказала Катя. — Ты говорила, что не помнишь, как прошёл день. Что просыпаешься с чувством, будто пропустила несколько часов. Что иногда проходишь через комнату и забываешь, зачем пришла. Я списывала это на последствия травмы. Но потом ты начала говорить о нём.

Она снова замолчала, и я видела, как её пальцы сжимают руль так сильно, что костяшки побелели.

— Ты говорила, что он даёт тебе таблетки, — продолжила она. — Какие-то успокоительные, витамины, он так говорил. Но ты заметила, что после них ты засыпаешь, а когда просыпаешься, не можешь вспомнить сны. И пропадают целые куски воспоминаний. Ты не помнила разговоры, которые вели накануне. Ты не помнила, что ела на обед. Ты не помнила, что смотрела фильм. Ты говорила, что он всегда рядом, всегда следит за тобой, всегда знает, где ты и что делаешь. Даже когда ты в туалете, он стоит за дверью. Ты чувствовала, что задыхаешься. Что он не даёт тебе дышать.

— Но зачем? — вырвалось у меня. — Зачем ему всё это? Если он любит меня, зачем причинять боль?

Катя повернула голову и посмотрела на меня в зеркало заднего вида. В её глазах стояли слёзы.

— Я не знаю, — сказала она. — Но я знаю одно: ты боялась его. В тот вечер, когда ты позвонила мне в последний раз, ты была в ужасе. Ты шептала в трубку, чтобы я не кричала, потому что он мог слышать. Ты сказала, что он не просто твой парень. Что он — твой тюремщик. Ты сказала, что хочешь сбежать, но боишься. Потому что он всегда находит тебя. И ты сказала ещё кое-что.

— Что? — прошептала я.

— Ты сказала, что авария не была случайностью, — ответила Катя, и голос её сорвался. — Ты сказала, что, возможно, он подстроил её. Чтобы сделать тебя зависимой от него. Чтобы ты забыла всё, что знала. Чтобы ты стала пустым листом, на котором он мог написать что угодно.

Я закрыла глаза. В голове зашумело, и я почувствовала, как мир начинает кружиться. Мысли путались, как нитки в клубке, и я не могла распутать их. Авария. Максим. Таблетки. Слова на фотографии. Всё это складывалось в одну ужасную картину, но я не могла поверить в неё до конца. Потому что часть меня — та часть, которую я не контролировала, — всё ещё помнила его прикосновения, его голос, его улыбку. Часть меня любила его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.